

АНТОНИНА ШАЛЫГИНА

ДЯТЕЛ

Маша с мамой прогуливаются по роще. Тишина. Только снег под ногами чуть поскрипывает, да лёгкий морозец тихонько пощипывает Маше щёки и нос. Бесшумно и медленно падает снежок. Маша сняла варежку, подставляет снежинкам ладонь. Пытается рассмотреть узоры, но снежинки быстро тают от тепла руки. Всматривается в летящие снежные парашютики:

– А они совсем даже не белые, а голубые! Красивые!

Тишину нарушил чей-то стук:

– Тук, тук, тук!

– Кто там?

– Это я – дятел.

– А что ты стучишь, хочешь куда-то войти?

– Да нет же! Я добываю из-под коры червячков и жучков.

– Зачем они тебе?

– Я ими питаюсь.

– Червячками?! Они же невкусные!

– Для тебя невкусные, а для нас – это самое лучшее кушанье.

– Откуда зимой возьмутся червячки? – недоумевает Маша.

– Под корой прячутся гусеницы, жуки-короеды и другие вредные насекомые.

– Поня-я-тно....

– А ты знаешь, что нас – дятлов – называют санитарами леса?

– Нет, не знаю. Почему?

– Мы лечим больное дерево от вредителей. И ещё делаем дупла для маленьких птичек.

– Какие вы полезные!

Маша наконец-то рассмотрела дятла на стволе толстой старой берёзы: пёстрая птица с красной головкой:

– Вы ещё и красивые!

– А ещё мы кормим мелких птичек.

– Из клюва в клюв?

– Ну что ты! Посмотри – возле берёзы низко над землёй две синички летают. Я выдалбливаю насекомых, сам съедаю и птичкам кидаю. Они на лету ловят или со снега склёвывают то, что упадёт.

– Ты не жадный, хороший!

– Мы одна птичья семья. Надо же друг другу помогать. Зима у нас долгая и холодная.

Про снежинки Маша забыла. Всю оставшуюся дорогу была под впечатлением от беседы с обитателем роши – дятлом.

РЫБАЛКА

Какое интересное и захватывающее занятие – рыбалка. Стоит только раз попробовать – тянет тебя неведомая сила к речке с удочкой. В нашей Оше всегда рыба водилась: чебаки, пескари, окуни и даже щуки. Любила я после школы или в воскресенье посидеть с удочкой на речке. Придешь на рассвете на берег, насадишь червячка, закинешь удочку и сидишь, смотришь на поплавок. Вода бормочет у берега о чём-то своём, перекачивает камешки, камыш тихо перешёптывается. Какая-то особенная, рассветная тишина. И так хорошо на душе! Только комары зудят над ухом, но это дело поправимое: одеколоном «Гвоздика» намажешься – ни один комар близко к тебе не подлетит. Выходит солнце, ярким красно-оранжево-жёлтым светом заполняет небо. Оно отражается в речке, растекаясь по воде, бликуя на волнах. Поплавок тихонько колыхается на бликах. Игривая рыбка всплеснёт над водой, сверкая в лучах раннего солнца чешуёй, и плюхнет в воду, будто дразнит меня.

– Что же ты не клюёшь?

Смотрю сосредоточенно на поплавок, и ни о чём больше не хочется думать, как только о клёве.

– Ловись, рыбка большая и маленькая. Ну, хоть маленькая....

Без отрыва смотрю на поплавок в ожидании хотя бы небольшого шевеления, так, что становится больно глазам. Перевожу взгляд. Серебристая ива свесилась к воде, отражаясь в ней. Старая изогнутая коряга торчит из речки, как чудище, почернела от времени и влаги; а когда-то была деревом, шелестела листвой. Паутинки заструились по траве серебряными нитями, капельки росы легли на них жемчужинками.

Вдруг поплавок дёрнулся, ещё, ещё раз! Подсекаю. Поднимаю удилище над водой – рыбёшка крутанулась в воздухе, вильнула хвостом и упала в воду.

– Эх, сорвалась! Рановато начала вытаскивать.

Червячок наполовину съеден. Нанизала нового – жирного, закинула удочку, стою, жду. Поплавок полежал минут пять и начал колыхаться вверх-вниз. Думаю: ещё рано. Когда он резко пошёл в сторону, я начала тянуть удилище. Оно изогнулось.

– Ну, – думаю, – щука!

Тяну вверх и чуть на себя и боюсь, что леска оборвётся. Рывком выдёргиваю рыбку на берег.

– Ух ты-ы!

Попался огромный жирный чебак, а может, это подъязок. Крупная чешуя блестит на солнце, как стразы. Рыбина мечется, пытается вырваться из рук. Я прижимаю её к земле, извлекаю крючок из мясистой губы. Чебак смотрит на меня обезумевшим чёрным глазом, просящим пощады, как будто всё понимает.

– Извини, рыбка, такая твоя участь. Ничего не поделаешь.

Держу рыбу двумя руками – она чуть не упрыгнула обратно в речку. Кладу её в садок, опускаю в воду. Это металлическая сетка для хранения рыбы.

Рыбалка удалась! Ещё несколько рыбёшек больших и маленьких попалося на

крючок. Солнце поднялось высоко, принеся с собой жару. Вода ясно отражала голубое небо и барашковые облака. Хочется испугаться.

– Распугаю всю рыбу. Да, ладно, на жарёху наловила. Накормлю рыбкой семью.

Я нырнула в прохладную, освежающую воду, хотя сверху она была прогрета солнцем. Ребром ладони с силой начала водить по поверхности воды, крутясь то в одну, то в другую сторону, поднимая фейерверки брызг, сверкающих и отливающих миллионами бриллиантиков на солнце. Красота какая! Поплавала, ощущая какое-то ликование в душе! Накупавшись, легла на мягкую тёплую травку. Капельки воды подрагивали на коже, переливаясь всеми цветами радуги. Как хорошо лежать на траве и глядеть на плывущие облака. Нахлынули воспоминания.

А вспомнилась мне моя первая в жизни рыбная ловля. Папа в свободное время любил ходить на рыбалку. Мне было лет шесть, очень хотелось самой поймать рыбку.

– Папа, возьми меня рыбачить.

– Рыбачить? Ты же маленькая ещё.

– Никакая я не маленькая!

– Тебе надоест быстро, и мне не дашь ловить.

– Нет, нет, не надоест! Ну, пожалуйста...

– Ладно, только не ныть.

Накопали мы с папой в огороде дождевых червей. Я их поначалу боялась в руки брать. Папа говорит:

– Как же ты будешь рыбу ловить? Червячка ведь на крючок надо насаживать.

Потом я привыкла к ним, перестала бояться.

Настало утро, когда мы пошли на речку. Папа взял большую удочку, а мне дал поменьше, которую специально для меня сделал. Идём по дороге: у меня в правой руке удочка, закинута на плечо, а левая – в папиной тёплой и сильной ладони. Я вся светила от переполнявшей мою детскую душу гордости. Пришли на берег речки.

– Ой-ёй-ёй! Папа, смотри!

У берега вода рябила от рыбьих стай, которые мельтешили и сновали туда-сюда. Папа сказал, что это рыба «мечет икру». Я была в восторге!

– Ну, давай, насаживай червяка на крючок, будем удить. Я тебе показывал.

Я выбрала самого жирного червя и с сопением, высунув язык, начала усердно его нанизывать. Но почему-то кончик крючка всегда вылезал из брюшка червяка.

– Так не пойдёт, рыбка увидит крючок и проплывёт мимо. Дай-ка я насажу.

– Не-ет, я сама.

– Ну, давай сама. Продвигай червя сначала прямо, потом вот так аккуратно заворачивай, как крючок изгибается.

Папа держал мою маленькую ручку в своей сильной руке и помогал. Наконец червь на крючке.

– А рыба только на червяка ловится?

– Отчего же? Можно на хлеб, на крупу распаренную, но на червя лучше. Смотри на поплавок, будет в воду уходить – вытаскивай вот так. Поняла?

– Поняла.

Я внимательно смотрела на поплавок: он был наполовину красный, наполовину белый, посередине чёрная полоска. Лежит, не двигается.

– А почему не клюёт?

– Погоди, какая ты быстрая.

И тут поплавок задвигался.

– Папка, клюёт!

Я что есть силы дёрнула удочку. Рыбка плюхнулась в воду, а крючок зацепился за траву зади меня.

– Почему она убежала?

– Сорвалась! Ты не дала рыбе хорошо заглотить крючок.

– Ты мне говори, когда надо тащить.

– Э-эх, рыбак ты мой, рыбак... – Папа ласково потрепал меня по голове.

Когда следующий клёв был удачным и я вытащила не такую уж маленькую рыбку с папиной помощью, радости моей не было предела! Я схватила её двумя руками, прыгала и кричала:

– Ура-а! МОЯ рыбка!

– Молодец! Тише, рыбу распугаешь.

– Как распугаю? Она что – слышит?

У неё же нет ушей.

– Есть у неё уши. Она не слышит слова, а слышит звуки – и очень даже хорошо, – которые передаются через воду. А если ты держишь удочку в руках и кричишь, и скачешь, то ещё и через удочку звук идёт к рыбе. Не такая уж она глупая.

– Ничего себе! Я не знала. – Для меня это было удивительно.

Когда я поймала ещё одну рыбку, я пришла в азарт. Эмоции переполняли меня через край! Как же я могла молчать?! Я закрывала ладошкой рот и тихонько смеялась от избытка чувств: я ловлю РЫБУ, МНОЙ пойманные рыбёшки плещутся в моём ведёрке! Уженье сводило меня с ума!

Я представляла, как будут завидовать сестра с братом, как будет радоваться мама. Но когда клёв закончился, мне стало скучно:

– Папа, пойдём домой. Мне уже хватит рыбы.

– Моя ты рыбачка! Ну, пойдём, раз нарыбачилась.

Я бежала впереди папы, мне не терпелось поскорее показать рыбу и рассказать обо всём маме. Дома я не могла ни говорить, ни думать ни о чём, кроме рыбалки. Мама радовалась вместе со мной:

– Да моя ты миленькая! Молодчина, рыбачка моя Тоня! Теперь с голоду не пропадём.

Брат с сестрой, вопреки моим ожиданиям, восторга моего не разделяли. Понятно, они же не удили рыбу. С каким удовольствием я уплетала на ужин уху и жареных чебаков! Мне казалось, ничего вкуснее я раньше не ела.

Отходя ко сну, закрыв глаза, видела я множество рыбы, снующей по водной глади туда-сюда. Я пыталась поймать её руками... и засыпала в каком-то упоении. Снился мне дрожащий и ныряющий поплавок, взлетающее к небу удилище, рыба, трепыхающаяся на крючке и переливающаяся в лучах солнца, дождевые червячки... Я улыбалась во сне и взмахивала руками – рыбачила.